

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

АРМЯНСКИЙ СУДЕБНИК МХИТАРА ГОША

Перевод с древнеармянского А. А. Паповяна

Редакция, вступительная статья и примечания Б. М. Арутюняна

Памятники древнеармянской литературы, II.

Издательство АН АрмССР, Ереван. 1954, стр. XXXVIII + 269

Предпринятое Институтом истории Академии наук Армянской ССР издание памятников древнеармянской литературы, вторым выпуском которых является настоящий перевод, нужно всячески приветствовать. Этим восстанавливается хорошая традиция печатания переводов памятников письменности древней Армении, существовавшая в прошлом и отчасти в нынешнем веке в Петербурге и в Москве.

Армянский оригинал Судебника Мхитара Гоша впервые критически был издан в России в 1880 г. Следует отметить, что исследователь и издатель оригинала архимандрит Ваган Бастамянц окончил гимназические классы Лазаревского института восточных языков в Москве и затем юридический факультет Московского университета. Иначе говоря, научное издание Судебника осуществлено питомцем русской школы востоковедения и правоведения. С издания В. Бастамянца и сделан перевод.

Переводчику, несомненно, пришлось преодолеть огромные трудности. Хотя издатель оригинала и снабдил текст разночтениями и многочисленными, часто весьма ценными, примечаниями, положение переводчика все же было весьма сложным. Прежде всего язык Судебника не чисто древнеармянский. К XII—XIII вв. древнеармянский литературный язык окончательно омертвел; Мхитар Гош, как и другие авторы этого времени, не мог ограничиться нормами и лексикой древнего языка и не внести элементы живой речи. Думая на живом, среднеармянском языке и стремясь по традиции писать на древнем, Мхитар Гош в целом написал свой Судебник на языке с очень шатким синтаксисом и с не всегда правильной морфологией. Это обстоятельство сильно повредило ему, ибо его формулировки часто неясны, они довольно далеки от тех блестящих формулировок, которые были выработаны римскими юристами. Некоторые предложения у Мхитара Гоша остаются незаконченными. Вообще язык Мхитара — далеко не язык юриста, а скорее ученого комментатора, а порой — моралиста. Трудность перевода усугублялась и тем, что в тексте Судебника существует немало искажений, добавлений и сокращений, в которых повинны многочисленные переписчики. Поэтому, как указывает автор вступительной статьи Б. М. Арутюнян, «переводчику приходилось иногда прибегать к вольному переводу смысла, того или другого выражения» (стр. XXXVII).

Следует, кроме того, иметь в виду, что многое касательно Судебника как памятника письменности средневековья до сих пор не выяснено, хотя

о нем и написано немало работ исследователями-историками и юристами¹. Окончательно не выяснено, весь ли Судебник принадлежит перу Мхитара Гоша. Далеко не закончена текстологическая работа на материале рукописей Судебника, хранящихся за рубежом в библиотеках Европы и Ближнего Востока.

Все эти обстоятельства необходимо учитывать, оценивая первый русский перевод Судебника. Следует признать, что переводчику удалось достаточно точно перевести содержание подавляющего большинства статей Судебника. Русский читатель получил теперь возможность ознакомиться с общим характером этого очень интересного памятника права. Однако для научных целей перевод А. А. Паповяна может быть использован с чрезвычайной осторожностью, ибо во многих случаях, в силу только что отмеченных обстоятельств, переводчик вынужден был ограничиться лишь передачей общего смысла тех или иных формул памятника.

Переводу предпослана большая статья Б. М. Арутюняна, удачно вводящая читателя в круг вопросов, связанных с Судебником Мхитара Гоша. Автор дает сжатый очерк общественно-политического состояния Армении к XII столетию. Затем указываются причины, вызвавшие необходимость создания Судебника. Остановившись вкратце на биографии Мхитара Гоша, Б. М. Арутюнян затем подробно разбирает содержание и источники Судебника. В статье дается общая характеристика взглядов Гоша, показывающая, что в воззрениях его имеются оттенки нового, более прогрессивного понимания жизни, хотя в целом он и остается выразителем правовых идей средневековья.

Автор вступительной статьи останавливается и на вопросе о практическом применении Судебника. В сущности Судебник не был кодексом, официально утвержденным какой-либо властью. Те его части, которые носят характер комментариев, дают основание думать, что это либо своего рода проект законника, либо руководство практического назначения. Тем интереснее тот факт, что Судебник постепенно стал использоваться в судебной практике, а в более поздние времена был официально признан в Польше при Казимире IV (XV в.) для применения в среде армян. В новое время Судебником пользовались армяне в Крыму. В переработанном виде он был включен в кодекс грузинского царя Вахтанга VI, а отсюда попал в Полное собрание законов Российской империи. Конец статьи Б. М. Арутюняна посвящен текстологии Судебника.

Воздавая должное издателю армянского текста В. Бастамянцу, автор статьи несколько умалил значение его «предисловия» к Судебнику. Правда, и сам В. Бастамянец называл эту свою работу «предисловием» (хотя на титульном листе указано: «юридические исследования с комментариями»). Но на самом деле статья В. Бастамянца, занимающая 180 страниц, является образцовым исследованием юриста, прекрасно знакомого с римским правом, с византийскими и иными юридическими памятниками. В. Бастамянец учился у русских историков и историков права исследованию памятников древности. И об этом надо было сказать во вступительной статье, как и о том, что издание В. Бастамянца является до сих пор исходным для всех исследователей Судебника и останется в истории армянского правоведения как первое научное издание.

Говоря об источниках Судебника, автор статьи замечает, что «вопрос об использовании Гошем греко-византийских законов остается спорным» (стр. XIX). В общем это верно, но следовало бы сказать более опреде-

¹ Составленный А. С. Анасяном список литературы, относящейся к Судебнику, включает 70 названий (рецензируемая книга, стр. 252—259).

ленно, а именно, что исследование Судебника в деталях, сравнительно с источниками римского и византийского права, пока еще ждет своего исполнителя. Для этого, в частности, необходимо текстологическое изучение всех рукописей Судебника, находящихся за рубежом, а затем кропотливое исследование сравнительно с различными источниками римского и византийского права.

Большим подспорьем при чтении Судебника являются примечания Б. М. Арутюняна, составленные весьма добросовестно и квалифицированно.

Оценивая издание в целом, следует признать, что оно имеет большое значение не только с точки зрения изучения истории Армении, но и для византиноведов, так как и первая часть Судебника, посвященная церковным канонам, и вторая его часть, заключающая светские законы, могут быть полезны как при изучении византийских юридических памятников, так и при исследовании некоторых проблем социальной истории Византии.

И. К. Кусикьян

И. А. ОРБЕЛИ. БАСНИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ

**Ии-т литературы им. М. Х. Абегаца АН АрмССР,
Издательство АН СССР. М.—Л., 1956, стр. 200**

Изящно изданная книга, с большим количеством иллюстраций, книга, на три четверти состоящая из образцов светской художественной литературы в подлинно художественном переводе, такая книга, казалось бы, должна была рассматриваться специалистами-литературоведами на страницах литературного журнала. Однако, как это прекрасно показано в предисловии и во введении, написанных академиком И. А. Орбели, басни средневековой Армении представляют значительный интерес не только с литературоведческой точки зрения, но они интересны — и, пожалуй, в еще большей мере — для историков, изучающих социальную и бытовую историю феодальной Армении и соседних с ней стран, в том числе и Византии. Книга должна привлечь внимание историков и своим обширным (76 страниц) и прекрасно оформленным научным аппаратом — предисловие, введение, примечания, — в котором академик И. А. Орбели, по существу, обобщил ряд своих предшествующих работ в области археологии, истории и литературы Армении.

Значительная часть предисловия посвящена весьма существенному вопросу о том, кем написаны басни, включенные в рецензируемый сборник. И. А. Орбели считает — и вполне справедливо — их авторами Мхитара Гоша и Вардана Айгекца, не соглашаясь с Н. Я. Марром, отрицавшим авторство Гоша на том основании, что армянский историк Киракос Гандзакец при перечислении трудов Мхитара не упоминает о баснях. И. А. Орбели убедительно подчеркивает, что в смысловом отношении видна прямая связь между Судебником Мхитара Гоша и баснями, т. е., иначе говоря, басни как бы являются своеобразными иллюстрациями к соответствующим статьям Судебника.

Отрицая мнение Н. Я. Марра об авторстве басен, И. А. Орбели вместе с тем отмечает его заслуги в исследовании басенного материала и, в частности, его огромную текстологическую работу, основанную на изучении множества рукописей. Трехтомный труд Н. Я. Марра о сборниках средневековых притч автор считает «классическим образцом филологиче-